

RU

«Веку вопреки»: политический дискурс поэзии В. В. Набокова

Борискина А. В.

Аннотация. Статья посвящена изучению политического дискурса В. Набокова и представлению литературной личности писателя в необычном ракурсе: как поэта, равнодушного к катаклизмам «грозного века». Научная новизна исследования состоит в расширении объема представлений о поэтическом творчестве Набокова, в частности его тематике: впервые анализируются стихотворения автора социально-политической направленности. Эта тема остается наиболее закрытой в поэзии не только в силу «калиптики» (О. А. Ханзен-Леве), или «скрытой» поэтики автора, а вследствие инертности восприятия его имиджа, сформированного им самим. Цель исследования - преодолеть стереотипы восприятия образа лирического героя Набокова, а также идиосферы его поэзии. Используя материал всего корпуса русскоязычных стихотворений и поэм автора, мы выделяем и анализируем тексты, отражающие рецепцию Набоковым событий революции, его отношение к общественной жизни и политической обстановке Советской России. Результатом исследования служат текстологические наблюдения, говорящие о значимости политического дискурса и многогранности его проявления в поэтическом творчестве Набокова. В ходе анализа устанавливается, что тоска по утраченному становится одним из ведущих мотивов в ранних поэтических текстах Набокова. Более поздние стихотворения демонстрируют желание поэта «отстраниться» от воспоминаний о прошлом, однако именно это стремление ошибочно может быть воспринято читателями как подчеркнутая индифферентность Набокова к политике и общественной жизни.

EN

“Despite My Age’s Ban”: The Political Discourse of V. V. Nabokov’s Poetry

Borisкина A. V.

Abstract. The paper is devoted to the study of V. Nabokov’s political discourse and the presentation of the writer’s literary personality from an unusual perspective, i.e. as a poet who is not indifferent to the cataclysms of the “terrible age”. The scientific novelty of the research lies in expanding the scope of ideas about Nabokov’s poetic works, in particular their range of themes: it is the first time that the author’s socio-political poems are analysed. This topic remains largely unaddressed in poetry, not only because of the “calypitics” (A. A. Hansen-Löve), or the “hidden” poetics of the author, but because of the inertia of perception of his image formed by the poet himself. The research aims to overcome the stereotypes in perception of the image of Nabokov’s persona, as well as the idiosphere of his poetry. Using the material of the entire corpus of the author’s Russian-language verses and poems, the researcher identifies and analyses texts reflecting Nabokov’s reception of the events of the revolution, his attitude to the public life and political situation of Soviet Russia. The research findings include textological observations that testify to the importance of the political discourse and the versatility of its manifestation in Nabokov’s poetic works. In the course of the analysis, it has been found that longing for the things lost becomes one of the leading motifs in Nabokov’s early poetic texts. Later poems demonstrate the poet’s desire to “distance himself” from the memories of the past, but this desire is precisely what the readers may mistakenly perceive as Nabokov’s emphasised indifference to politics and public life.

Введение

Третье издание англоязычного романа «Под знаком незаконнорожденных» (1947) В. Набоков (2017) начинается предисловием, где подчеркивает свою аполитичность и равнодушие к общественной жизни: «Политика и экономика, атомные бомбы... “оттепели” в Советской России, Будущее Человечества и так далее оставляют меня в высшей степени безразличным» (с. 8-9). Такой образ Набокова, во многом сформированный им самим, прочно закрепился в критике. В прохладном отношении к социально-политической жизни упрекали Набокова современники-эмигранты, полагая его аполитичность чертой идиостиля, особенностью мировосприятия.

А. Назарян (2013) отмечает: «Набокова давно считают писателем, убежавшим от истории... В Америке большинство коллег называли Набокова агрессивно аполитичным. Как рассказывает Питцер в своей блестяще написанной хронике, его часто критиковали за то, что он не занимался актуальными вопросами. Например, его друг Эдмунд Уилсон (Edmund Wilson) писал: "Я никогда не мог понять, как Вы можете притворяться, что можно писать о людях и совсем не рассматривать общество и среду"». Безусловно, такая точка зрения на творчество и взгляды Набокова небезосновательна. Политика игнорирует частности, она лишена индивидуальности, а для Набокова это было важнее всего. Тем более, повторимся, сам писатель неоднократно озвучивал свою позицию в интервью, подчеркивая собственное равнодушие к социально-политическим вопросам. Однако неверным будет утверждение, что Набоков совершенно исключал политическую тематику из своих книг. Актуальные исследования рассматривают историко-политический логос Набокова в иной парадигме. Так, А. Питцер (2016) в своей книге утверждает, что «интриги и политика были неизменными спутниками Набокова с момента его появления на свет» (с. 500). Анализируя набоковское романное творчество, исследователь доказывает, что история и политическая жизнь, без сомнения, интересовали писателя, и многие свои наблюдения Набоков – мастер камуфляжа для читателей просто зашифровал: «О чем бы Набоков ни хотел нам сказать, о какой истории ни надеялся напомнить, мы должны его расслышать. Он ждет нас в своих книгах» (с. 514). Обобщая последние наблюдения, А. А. Накарякова (2015) отмечает: «Быть может, пронизательные литературоведы придерживаются принципиально иной точки зрения. Они полагают, что подчеркнутая индифферентность Набокова к политике – лишь очередной миф, элемент игры с биографами и читателями». Важно отметить, однако, что данные исследования касаются прозаического творчества и драматургии Набокова, между тем поэзия автора в этом отношении до сих пор остается без внимания.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью пересмотра представлений о модусе художественности поэтических текстов В. Набокова, о его лирическом субъекте и специфике выражения общественно-политической и творческой позиции автора. Подобный ракурс актуализирует новые смыслы, потому цель исследования представляется нам принципиально значимой. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: во-первых, выделить из всего корпуса русскоязычных стихотворений В. Набокова тексты с социально-политической установкой; во-вторых, проанализировать эти стихотворения, отдельно выделив тексты о революции и о Советской России; и, в-третьих, расширить представление о взглядах В. Набокова на события XX столетия. Для осуществления поставленных задач используются следующие методы исследования: сравнительно-исторический, системно-типологический и герменевтический в их единстве и взаимодополняемости. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия поэтического мира Набокова. В качестве материала исследования были использованы следующие издания:

Набоков В. В. Искусство литературы и здравый смысл // Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. С. Антонова, И. Берштейн, В. Гольшева. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019.

Набоков В. В. Под знаком незаконнорожденных. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017.

Набоков В. В. Революция: стихотворение. 2002. URL: <https://booksdaily.club/poehziya-dramaturgiya/poehziya/page-43-255830-vladimir-nabokov-stihotvoreniya.html>

Набоков В. В. Стихотворения и поэмы / сост., вступит. ст, подгот. текстов. и примеч. В. С. Федоров. М.: Современник, 1991.

Набоков В. В. Строгие суждения. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2018.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы о поэтическом творчестве В. Набокова, среди них труды Ю. И. Левина (1998) «Биспациальность как инвариант поэтического мира Набокова» и О. И. Федотова (2014) «Между Моцартом и Сальери (о поэтическом даре Набокова)», монография Я. В. Погребной (2011) «Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы» и статья И. В. Труфановой (2019), посвященная поэтологическим стихотворениям Набокова.

Практическая значимость исследования состоит в том, что текстологические наблюдения, аналитические суждения и выводы могут быть в дальнейшем использованы для изучения поэтического наследия В. Набокова и истории литературы русского зарубежья и могут быть включены в учебные программы специальных курсов по истории русской литературы XX века.

Основная часть

Политический контекст поэзии В. Набокова обусловлен главным образом историческими катаклизмами XX века. Главным событием, изменившим в начале столетия миллионы судеб, была революция. Набоков воспринял случившееся как катастрофу. После непродолжительной остановки в Крыму его семья была вынуждена покинуть страну.

В поэтических текстах разных лет В. Набоков называет произошедшее «грозой глумливой», «горем» и «мукой», а новый мир, возникший на обломках самодержавия, – «кощунственным». Поэт оценивает современность как «неискупимую годину», «мареву губительных годин», годы «грохота и смрада», «борьбы и позора». Предполагая, что хаос революции оставит отпечаток на целом столетии, Набоков характеризует его как «век бездорожья», «век поветренных скорбей», «век огня и гнева», «зловещий», «бедственный» век.

Даже само слово «революция» («слово длинное с нерусским окончанием») вызывает у совсем юного В. Набокова (2002) неприятие и «странное содрогание». Через личные ассоциативные связи поэт предвосхищает в этом слове страшные события Октября: «...извив неведомых страстей: / рычанье, вопли, свист, нелепые виденья, / стеклянные глаза убитых лошадей, / кривые улицы, зловещие строенья, / кровавый человек, лежащий на спине, / и чьих-то жадных рук звериные движенья...» («Революция», <1917>).

В корпусе крымских стихотворений В. Набокова социально-политической направленностью выделяется стихотворение «К свободе» (1917) – здесь и далее стихотворения Набокова (1991) цитируются из данного источника с сохранением авторской пунктуации и орфографии. О. И. Федотов (2014), подчеркивающий, что юный поэт «не отличался воинственной идейной ангажированностью», тоже, однако, обращает внимание на этот поэтический текст, называя его «страстной филиппикой против тех, кто покусился на свободу и грубо разрушил хрупкое социальное равновесие» (с. 41). Аллегорический образ Свободы предстает обманутой и опустошенной, она медленно бредет по улицам бессонным, взгляд ее потух, как и свеча, дрожащая в руке: «Крыло подбитой по трупам волоча / и заслоняя взор локтем окровавленным, / обманутая *вновь*, ты *вновь* уходишь прочь, / а за тобой, увы, стоит всё та же ночь!». Общее настроение разочарования усилено здесь повторами и междометием, выражающим сожаление: «увы».

Примечательно, что В. Набоков, поддерживающий собственный имидж безупречного художника слова, включил это раннее стихотворение в свой двуязычный сборник “Poems and Problems” (1969). Ведь сравнивая свои ранние и более зрелые стихотворения, поэт стремился отделить творчество мастера от первых «неопытных стоп» («Вечер на пустыре», 1932). Тем не менее Набоков включил стихотворение в сборник, снабдив текст комментарием, объясняющим такое решение: «Главный – и в сущности единственный – интерес этих строк состоит в том, что они выражают разочарование интеллигенции, приветствовавшей либеральную революцию весной 1917 года и тяжело пережившей большевистский реакционный бунт осенью того же года. То, что этот реакционный режим продержался уже больше полувека, придает пророческий оттенок трафаретному стихотворению юного поэта» (Набоков, 1991, с. 547).

Наблюдая и оценивая реакцию общественности на события Октября, В. Набоков обращается к образам других поэтов. Тему разочарования итогами революции продолжает первое стихотворение в мини-цикле «На смерть А. Блока» (1921). Причину, по которой поэт «растаял, как месяц туманный, / как далекий молитвенный звон...», молодой Набоков видит в том, что Блок был «обманут мечтой несказанной»: ожидания поэта не оправдались, вихрь революции принес не только новый строй, но и разрушение, хаос. Стихотворение подражательно стилистике Блока, дополняют атмосферу ключевые образы – поэтизмы: «туманы», «луна», «неземная весна», «вечерние тени», «звон отдаленного храма». Любовный мотив выходит на первый план, важная роль отводится узнаваемым образам «Прекрасной дамы» и «бледного рыцаря». Впрочем, в финале стихотворения «бледный рыцарь» предстает обманутым: склоненный «на щит лучезарный», словно поверженный, он окружен лишь пустотой и «холодной мглой». Образ Прекрасной дамы интегрируется с образом «чародейной отчизны», нежность и трепет влюбленного трансформируются в ощущение им небезопасности: «Слишком сумрачна, слишком коварна / *одичалая* стала земля». Но неужели прежней России больше нет?

Лирический герой ранних стихотворений В. Набокова – поэт-эмигрант, поневоле покинувший Родину, но отказывающийся верить в то, что потерял ее навсегда. На новом месте жительства, в иных обстоятельствах поэт ищет не только себя, но и потерянную отчизну. При этом лирический герой противопоставляет себя другим эмигрантам, пока остальные «в тумане странных дней», когда «грядущего не видно», говорят о России «красноречиво и обидно», он выбирает другой путь: «Сторонкой, молча проберусь / и, уповая неизменно, / мою неведомую Русь / пойду отыскивать смиренно» («Русь», 1921). Найдет ли поэт заветную цель? Ответ, очевидно, содержится в самих вопросах: пять из восьми катренов стихотворения содержат вопросительные предложения. Такая форма ярче передает внутренние сомнения, терзающие лирического героя.

Аллегорическая «Русь» атрибутирована чередой женственных поэтических образов. Так, в пятом четверостишии лирический герой опасается, что найдет Ее «нагой» в глухом сумраке леса, сокрытой в сыром ельнике. Быть может, «разбойник лихой» надругался над Ней и убил? В следующем катрене «жданная» Русь представлена в образе проходящей мимо незнакомки «с улыбкой на лице простом». Далее герой видит Ее молящейся «старушкой», бессильно припадающей к иконе. Так и не узнав в этих образах ту самую, «непостижимую», в финале поэт вопрошает: «Иль во мне, в душе самой / уж расцветает ты незримо?». Лейтмотивы *пути и поиска*, а также использование архаизированных форм («Русь», «лик», «лихой», «жданная») усиливают сказочность текста. Как известно, в финале сказки героя, преодолевшего испытания, ожидает награда: предполагая возможность обретения утраченной Родины *внутри* себя, лирический герой таким образом находит в новом мире опору – свой «берег». Ю. И. Левин (1998) называет этот прием в поэзии Набокова «решением “проблемы возвращения”» (с. 331), когда лирический герой окружен отчизной или обретает, ощущает ее внутри себя.

Итак, образ России в лирике В. Набокова постепенно раздваивается, распадется на постреволюционную (советскую) Россию и Россию прошлого. Подробно об этом разделении пишет Ю. И. Левин (1998): «Судьба Набокова, его жизненная ситуация, во всяком случае, в 20-30-е гг., может быть охарактеризована следующим образом. В основе лежит оппозиция Родина (Р, Россия, Patria) / Чужбина (Е, Европа, Exsilium), причем само Р раздвоено на Р1 – собственно родина, Россия прошлого, – и Р2 – советская Россия...» (с. 323). При этом Россия прошлого обретается внутри лирического героя Набокова и сохраняется его памятью. Постепенно поэт приходит к пониманию: *прежней* России больше нет.

Проживание потери, тоска по утраченному становятся ведущими мотивами в ранних поэтических текстах В. Набокова. Один из них – стихотворение с гнетущим заглавием – «Панихида» (<1920>). Стихотворный рисунок напоминает церковное пение («глухо молитву поют; звук тяжелый и круглый / катится, медлит, немеет...»). Стихи, объединенные кольцевой рифмовкой, отделены от других условных катренов однообразным по форме рефреном, представляющим собой повтор строк: «Сколько могил, / сколько могил», «Хватит ли сил? / Хватит ли сил?», «Капают воск, / капают воск» (повторяется дважды), «Мрак обступил, / мрак обступил», в финале снова звучит «Сколько могил, / сколько могил», замыкающее композиционное кольцо. Лирическое повествование

ведется от первого лица множественного числа: «...мы верим», «...мы с упованием... / греем последним дыханием / ноги твои ледяные». Лишь единожды меняется форма лирического обращения, замещаясь привычным «я»: «Ты исполинским сугробом / встала во мгле надо мною». «Сирые, верные» обращаются к Родине, покинутой ими навсегда. В их словах – разочарование и страх перед неизвестностью будущего («оскорбленной мечтою грядущее мерим»), в их молитве – вера и упование. Однако текст пронизан мотивами умирания, угасания: «последним дыханием» пытаются согреть молящиеся «ледяные» ноги той, кого нищие, находящиеся у входа в церковь, уже «называют облаком черного пепла». Совершенный алогизм: те, кто уже у гроба («поют и рыдают»), еще не знают о смерти (или не хотят верить в нее?), участвуя в заупокойном богослужении (заглавие текста). Мортальность усложняется образом покойного в гробу («плещет кадила пред мертвым, пред гробом») и многократным повтором фразы «сколько могил». Однако нежелание смириться с утратой заглушает здравый смысл, искажает реальность. В финале стихотворения собравшиеся у гроба вопрошают покойного: «Слышишь ли, видишь ли?». Интенсивность экспрессии также усиливает ощущение безысходности, текст изобилует вопросительными и восклицательными предложениями, содержит большое количество многоточий.

Осознание утраты лирическим героем В. Набокова – процесс постепенный, нередко совмещенный с переживанием сильных негативных эмоций – ненависти, одиночества, с желанием мести. Стихотворение «Россия» («Плыви, бессонница, плыви, воспомянь...», <1922>) открывается кратким, но экспрессивным признанием: «Я дивно одинок». Отметим, однако, что остальные чувства и ощущения лирического героя уходят на второй план, передаются имплицитно и открываются через историю, им рассказанную. Вначале читатель узнает, что лирический герой – эмигрант, очевидно, поэт. В пользу этого предположения выступают первый и финальный катрены стихотворения с метапоэтическим дискурсом. В начальном четверостишии метатекстуальная тематика реализуется через мотивные комплексы «слова» и «молчания»: «Ни звука, ни луча... / Ночь за оконницей безмолвна, как изгнанье, / черна, как совесть палача». Как мы знаем, приемом неочевидной репрезентации темы творчества в лирике Набокова выступают кодифицирующие слова. Здесь маркерами поэтического вдохновения являются звук (его отсутствие), *луч* и *ночь* (время поэта). В заключительном же катрене атрибутирует тему творчества мотив песни, ключевой выступает лексема «вдохновенье»: «...вдохновенье / волнуется во мне, сгораю, но пою».

Читатель также узнает, что детство поэта было счастливым, он рос в «райских» условиях. Но случилось непоправимое: «Мой рай уже давно и срублен, и распордан...». Теперь приходится строить жизнь в иных обстоятельствах. Раю детства противопоставляется страшный мир настоящего. Образ Родины становится центральным в средней части стихотворения, поэт подробно повествует о том, что именно произошло со страной, которую он был вынужден оставить. Третий катрен описывает сцену изнасилования, акцентируется лексика с эмоционально воздействующим на читателя семантическим шлейфом: «стыд», «ужас», «позор», «терзанье». «Заря», песни о которой поет «раба стыдливая», противопоставляется «темноте», в которую уводит жертву жестокий насильник. Однако постепенно образ утрачивает аллегорические черты, два следующих четверостишия описывают Россию реальной страной. Примечательно, что Набоков, которого обвиняли в равнодушии к общественно-политической жизни, так подробно рассуждает здесь о некоторых деталях: «...в тишь ее равнин / польется ныне смрад от угольных изрыжек / Европой пущенных машин». Поэт уверен, что пользы в экономических преобразованиях нет никакой: «Напрасно ткнут они, напрасно жнут и веют, / развозят по Руси и сукна, и зерно». В изменении качества жизни нет смысла, ведь Россия «давно мертва, и тленом ветры веют, / и всё, что пело, сожжено». Форма страдательного залога здесь выбрана неслучайно. Смерть Родины насильственна, и последующие четверостишия становятся своеобразной инвективой против того, по чьей вине это произошло. Стоит отметить, что парадигма образов стихотворения в целом организована по возрастающей градации: за образом изнасилованной девушки возникают другие: «Хватил с размаху о пол / младенца теплого. Вдавил пятою в грязь / живые лепестки». Наивысшей эмоциональной точкой в этой последовательности становится злоеший хохот убийцы, он хлопает в ладоши, наслаждаясь «мерзостью» содеянного. Этот образ перекликается с образом *бессовестного* палача в начальном катрене («Ночь за оконницей... черна, как совесть палача») и продолжается образом «лукавого» в финале стихотворения. Становится ясно, кто этот безжалостный Бог, сначала «выхоливший» Россию, а потом убивший ее. Божество обернулось для «юного, небрежного народа» противоположностью, тот, кого почитали Богом, оказался «лукавым бесом». «Христу ли, Немезиде / молиться нам теперь?», – вопрошает поэт в финале стихотворения. Образ Немезиды – богини мщения – выступает здесь выразителем чувств лирического героя – ненависти и желания свести счеты с теми, кто виноват в случившейся трагедии.

Продолжает обвинительную риторику пространное стихотворение «Петербург» («Так вот он, прежний чародей», 1921). Оно открывает единый тематический цикл из четырех поэтических текстов с одинаковым заглавием, выделенный О. И. Федотовым (2014, с. 8-15) в работе «Четыре “Петербурга” и один “Ленинград”». Обобщенным символом разрушенной революцией России выступает здесь Петербург – город детства и юности В. Набокова. «Прежний чародей», еще недавно «глядевший вдаль холодным взором / и гордый гулом и простором / своих волшебных площадей», предстает полной своей противоположностью: «Теперь же, голодом томимый, / теперь же, падший властелин, / он умер, скорбен и один...». Набоков детально воспроизводит обстановку «столицы нищих»: почерневшие, покосившиеся дома, исхудавшие, испуганные горожане, одетые в ветхое отрепье, а то и вовсе босые. Обобщенным символом заброшенности и упадка выступает зияющая посреди улицы «яма, как могила; / в могиле этой – Петербург...». Мотив угасания репрезентован в сложном художественном образе «пустынного дома» на одной из улиц. Тут недавно «смеялись дети, пел рояль», кипела жизнь, но потом она, «тиха плача», покинула этот дом («вдовец завесил зеркала») и этот город. В следующей

части стихотворения образы счастливого прошлого, нежно сохраненные памятью поэта, помогают ему воскресить атмосферу дореволюционного Петербурга. Лирический герой «бродит в мечтах» по любимому городу, наслаждаясь его размахом и красотой. Ретроспекция прерывается репликой, которая возвращает читателя в недавнее прошлое и дает правовую оценку ряду событий 1917 года: «Да, были дни, – но *беззаконно* / сменила буря тишину». Память аккумулирует в сознании поэта не только благополучие ностальгического прошлого, но и страшные эпизоды февральской революции:

«Я помню, город погребенный,
твою последнюю весну,
когда на площади дворцовой,
махая тряпкою пунцовой,
вприсядку лихо смерть пошла!».

В. Набоков вспоминает и «простреленные стекла», и алый цветок – символ революции, который был «у каждого в петлице». Это обобщение – «у каждого» – передает, усиливает масштабность происходящего, согласуясь с гиперболизацией описываемых событий: «...сбежались все; и там, и тут, / на площадях, на перекрестках, / перед народом, на подмостках / захлебывался бритый шут...». Образ «неистового» народа, «опьяненного» призывами известного какого «шута», перекликается с образом «юного, небрежного народа» из предыдущего поэтического текста. Тот же образ мы встречаем в раннем стихотворении «Поэт» («Среди обугленных развалин...», 1918), описывающем падение прежнего мироустройства: «Там опьяневшие народы / ведет безумие само». Автор здесь также дает политическую оценку, подчеркивая преступность случившегося: «...сполохами окружен, / мир сотрясается, и старый / переступается закон». Мотив беззакония репрезентован и в финале пронзительного стихотворения «К России» («Отвяжись, я тебя умоляю!», 1939): «...и за горе, за муку, за стыд, – / поздно, поздно! – никто не ответит, / и душа никому не простит».

В финале стихотворения «Петербург» поэт от имени таких же эмигрантов, как он, выражает надежду на возрождение города и всей страны: «Мы / блуждаем по миру бессонно / и знаем: город погребенный / воскреснет вновь, всё будет в нем / прекрасно, радостно и ново...». Мотив грядущего воскресенья объединяет «Петербург» со стихотворением «Россия» («Пльви, бессонница, пльви, воспоминанье...», <1922>), где финальный катрен завершается восклицанием: «Родная, мертвая, я чаю воскресенья / и жизнь грядущую твою!». Согласуется с этими текстами и стихотворение «Годовщина» (1926): «...*гражданская* повеет благодать: / всё сбудется, о чем за чашкой чаю / мы на чужбине любим погадать». Оптимизмом также наполнены строки стихотворения «Песня» (1923), выполняющие роль рефрена: «Верь, вернутся на родину все, / вера ясная, крепкая...». Вера, как известно, укрепляется молитвой. Но о чем может просить высшие силы лирический герой В. Набокова – поэт-эмигрант? Молитва его обращена к родной речи:

«О милых мертвых думают скитальцы,
О дальней молятся Руси.
А я молюсь о нашем дивьем диве:
О русской речи, плавной, как по ниве
движенье ветра... Воскреси!» («Молитва», 1924).

Проблема сохранения русской речи и владения ею в условиях иноязычия обретает особую значимость в поэзии В. Набокова: «...всё, что есть у меня, – мой язык» («К России», 1939); «...и на русском Парнасе темно. / <...> С полурусского, полузабытого / переход на подобье арго» («Парижская поэма», 1943); «Легко мне на чужбине жить, / писать трудненько» («Разговор», 1928). В стихотворениях можно отметить и намек на негативное отношение Набокова к реформе русского языка 1918 года, известно, что писатель принципиально пользовался дореформенной орфографией, о чем свидетельствуют письма Набокова, его черновики и личные записные книжки. Так, неприятие писателем реформы языка и ностальгическая грусть по утраченному просвечивают в коротком эпизоде стихотворения «Петербург» («Так вот он, прежний чародей», 1921), где лирический герой, возвращаясь в дореволюционное прошлое, наблюдает «вывески лубочные» и восхищается правописанием букв дореформенного алфавита:

«О, сколько прелести родной
в их схеме, красочности мертвой,
в округлых знаках, букве ять,
подобной церковке старинной!
Как, на чужбине, в час пустынный
всё это больно вспоминать!».

Поэт, идентифицирующий себя «ремесленником ревнивым», «рыцарем» русской речи, просит воскресить «душистую, родную» от «косноязычного» сна, который ее гнетет. Герой оптимистичен и полон надежд: «...искажена, искромсана, но чую / ее невидимый полет» («Молитва», 1924).

Мотив возрождения к жизни в поэзии В. Набокова сопряжен с идеей возвращения: «Твой будет взлет неизъяснимо яркое, / а наша встреча – творчески-тихая» («Родине», 1923). Анализируя пасхальные мотивы лирики поэта, О. И. Федотов (2014) отмечает: «Реальное возвращение на родину связано у Набокова с традиционной для него трактовкой пасхальных праздников как возрождения, восстания из мертвых» (с. 84). Так, «Возвращение» (1920) – стихотворение с отчетливой нарративной установкой – открывается обращением лирического героя к соотечественникам, потерявшим дом: «Я всем вам говорю, о странники! – нежданный / глубокий благовест прольется <...> / и ветру вешнему неведомый бродяга / ответит радостно “воистину воскрес”». Акцентируется лексика с семантикой отчужденности: «странники», «бродяга», «толпа иноплеменная», «дальние города».

Пространство чужбины, представленной здесь имплицитно, противопоставляется видоизменившемуся за время разлуки пространству родной страны: «Могилы голые найдем мы – разрушенье, / неузнаваемы дороги, – всё смела / гроза глумливая, пустынен край, печален...». Потому возвращаться будет «и радостно, и страшно». Эта амбивалентность выражена и в заключительных строках стихотворения «Петербург», к ним мы обращались ранее. Здесь поэт от имени эмигрантов выражает надежду на возрождение Петербурга, но также он мрачно добавляет, что прежним, истинно родным этот город, как и отчизна, не станет для изгнанников никогда.

Возвращение, моделирующееся в поэтических текстах В. Набокова разных лет, становится буквально навязчивой идеей (от ранних стихов до последнего опубликованного романа «Смотри на арлекинов!»): «Какой там двор знакомый есть, / какие тумбы! Хорошо бы / туда перешагнуть, пролезть, / там постоять, где спят сугробы...» (“*Ut pictura poesis*”, 1926). Лирический герой Набокова пытается воплотить заветную мечту в жизнь разными способами: через сон, воспоминание, творчество. Но так или иначе, возвращение на Родину для поэта невозможно. Это отмечали разные исследователи, в частности Ю. И. Левин (1998) и Я. В. Погребная (2011): «Россия прошлого не только не совпадала, но была диаметрально противоположна России теперешней. Возвращение на Родину, таким образом, становилось физически невозможным, принимая форму путешествия в прошлое, причем, индивидуальное» (с. 102). Физически вернуться в Россию прошлого нельзя. При этом реальное возвращение на Родину как раз возможно, однако совершенно неисполнимо по социально-политическим причинам, которые Набоков подробно освещал в своих стихах.

Анализируя раннюю лирику, мы частично коснулись образа постреволюционной России, его следует дополнить другими примерами из поэтических текстов, чтобы показать, как образ этот развивается и усложняется, интегрируясь с образом России Советской. Наступивший после Октября «новый мир» поэт считает «кошунственным» («Как воды гор, твой голос горд и чист», 1920), а захваченную большевиками отчизну называет «одичалой» («На смерть А. Блока», 1921) и описывает как «дикую» страну, «где каплет кровь на снег» (“*Football*”, 1920). Этот же образ повторяется в строках: «...есть Россия, / есть тропа вся в лиловой кленовой крови, / есть порог, где слоятся тузы золотые» («Слава», 1942). Негативной коннотацией наделена и «советская сусальнейшая Русь» в стихотворении «Каким бы полотном» (1944). А в стихотворном послании «К кн. С. М. Качурину» (1947) саркастично обрисован образ советского гражданина: «...при встрече / я, впрочем, всё скажу тебе / о новом, о широкоплечем / провинциале и *рабе*». Ключевыми лексемами в текстах, описывающих советскую действительность, выступают «мука», «горе», «стыд», «позор», «жестокость», «мерзость», «прах», «нагота». Использование в стихотворениях метафорических эпитетов с социальной семантикой (например, часто встречающееся «ночь лихая») носит условно-поэтический характер и, скорее, служит средством усиления социально-политической направленности поэтических текстов.

«С каких это пор / понятие власти стало равно / ключевому понятию родины?» – это строки не из политического трактата, а отрывок из стихотворения «О правителях» (1944). Автор этого текста – В. Набоков, позиционирующий себя человеком к политике равнодушным. Однако анализ подобных стихотворений демонстрирует противоположное – интерес автора к социальной жизни Советской России («всесоюзно-мещанского класса»), политической обстановке внутри страны и месте ее среди мировых держав.

Реальность Советской России, смоделированная В. Набоковым в поэтических текстах, враждебна и даже опасна. Возвращается в такое пространство лирический герой, как правило, инкогнито («беспаспортная тень»; «без конца по нему прохожу я инкогнито / в *полыхающий сумрак* отчизны моей»), боясь грозящего ему опознания: «От холода, от перебоев / в подложном паспорте, не сплю» и далее – «Но как я сяду в поезд дачный / в таком пальто, в таких очках / (и, в сущности, совсем прозрачный, / с романом Сирина в руках)?» («К кн. С. М. Качурину», 1947).

В стихотворении «Расстрел» («Бывают ночи: только лягу...», 1927) средством перемещения в желанное пространство родной страны становится сон: «Бывают ночи: только лягу, / в Россию поплывет кровать». Однако возвращение лирического героя приводит его к неизбежной гибели: «...и вот ведут меня к оврагу, / ведут к оврагу убивать». И даже просыпаясь, герой попадает в реальность ему враждебную, где атрибуты вешного мира напоминают фантастические образы сновидения: «...в глаза, как пристальное дуло, / глядит горящий циферблат». Так или иначе, увиденное оказалось лишь дурным сном. Однако обратим внимание на последнее четверостишие, эмоционально контрастирующее с предыдущими катренами: «Но сердце, как бы ты хотело, / чтоб это вправду было так: / Россия, звезды, ночь расстрела / и весь в черемухе овраг». Так комментирует этот эпизод А. Арьев (2001): «Россия, рвы и овраги которой завалены трупами, – обычная картина времен гражданской войны, тысячу раз изображенная художниками, и ни красные, ни белые... ничего поэтического в ней справедливо не находили. Не то у Набокова» (с. 174).

Сценарий возвращения ценой собственной жизни «проигрывает» В. Набоков в стихотворной антиутопии «Ульдаборг (перевод с зоорландского)» (1930), текстуально и тематически связанной с романом «Подвиг» (1932), рассказом «Истребление тиранов» (1932), романами «Приглашение на казнь» (1936) и “*Bend Sinister*” (1947). Ульдаборг – город со зловещей атмосферой: «Смех и музыка изгнаны. Страшен / Ульдаборг, этот город немой. / Ни садов, ни базаров, ни башен». «Праздники все под запретом», а из развлекательных мероприятий – только публичные казни. Лирический герой, *вернувшийся* в Ульдаборг, – главный «виновник торжества», он приговорен к смерти за свободомыслие. Площадная толпа замерла в ожидании. Однако через мгновение Ульдаборг будет потрясен поступком осужденного: «Дико слушают звук *невозможный*: / <...> и это мой смех». Смех (инициальная лексема и сильная позиция всего текста) торжествует над абсурдом диктатуры («над законами глухонемых»), преодолевает «испуг сограждан», избавляя их от социального страха. «В стихотворении “Ульдаборг”... Набоков утверждает, что катастрофическое отсутствие юмора, иронии и самоиронии,

банальность и посредственная усередненность не только антигуманны, но и антиэстетичны, и чем выше степень неэстетичности режима, тем более выражен его античеловеческий, враждебный жизни, мертвящий, убийственный и убивающий характер» (Погребная, 2018, с. 535).

Мотив смеха сближает «Ульдаборг» с еще одним текстом, озаглавленным как «Расстрел» («Небрить, смеющийся, бледный...», 1928), написанным через год после первого («Бывают ночи: только лягу...», 1927). Герой здесь изображен приговоренным к казни: «Он ждет, и всё замерло в мире – / <...> четыре / дула, смотрящих в упор». Осужденный в начале стихотворения предстает «небрить, смеющимся, бледным»; далее читаем: «Так ждал он, смеясь и мигая...». Повторяющаяся деталь – отсылка к реальной трагичной истории. Улыбающимся предстал перед смертью Николай Гумилев, так об этом писал В. Набоков (2019): «Одной из главных причин, по которой ленинские бандиты казнили Гумилева, русского поэта-рыцаря, было то, что на протяжении всей расправы... поэт продолжал улыбаться» (с. 467). Примечательно, что смерть, вопреки художественной концепции в онтологии и эстетике Набокова, в этом стихотворении символизирует не освобождение или обновление. Здесь она насильственна, а потому это абсолютное уничтожение, приносящее ужас и боль: «Всё. Молния боли железной. / Неумолимая тьма. / И воя, кружится над бездной / ангел, сошедший с ума».

Итак, реальность Советской России для лирического героя В. Набокова страшна и опасна. Преследования, казни, давление, ощущение небезопасности – таковы представления поэта о советской действительности, потому всё это находит отражение и в его творчестве. Это же и объясняет «ценностный сдвиг», по выражению Ю. И. Левина (1998), который происходит в некоторых стихотворениях, когда пространство чужбины характеризуется как безопасное *укрытие* в противовес Советской России, например в стихотворении «Расстрел» («Бывают ночи: только лягу...», 1927): «...*благополучного* изгнания / я снова чувствую *покров*».

Но что для поэта может быть страшнее физической смерти? Смерть творческая: молчание, запрет на выражение собственных мыслей и чувств. По Набокову, поэт предстает немым в послесмертии («Эту жизнь я люблю исступленной любовью...», 1919; «В раю» («Моя душа, за смертью дальней...»), 1927; «В раю» («Здравствуй, смерть! – и спутник крылатый...»), 1920). Заложником «немого рабства» он представлен и в пространстве «советской сусальной Руси» в стихотворении «Каким бы полотном» (1944). Так В. Набоков обозначает еще одну причину, по которой его возвращение в Россию невозможно. Образу «немого» поэта можно противопоставить образ поэта «советского», аллегорично изображенного в стихотворении «О правителях» (1945): «Покойный мой тезка, / писавший стихи в полоску, / <...> нынче бы рифмы натягивал / на “монументален”, / на “переперчил” / и так далее». Свобода, в том числе право открыто говорить и писать, – важное и необходимое условие для вдохновения и поэзии. В иных обстоятельствах жить и работать поэту просто нельзя. И тогда одно исключает другое, как в выводе Адама Круга, героя романа «Под знаком незаконнорожденных» (1947): «...либо я остаюсь немым навсегда, либо же говорю, подписываю, присягаю – всё, что угодно правительству» (Набоков, 2017, с. 251). В финале стихотворения лирический герой декларирует: «...еще я духом жив, еще не сыт разлукой, / увольте, я еще поэт». Эти строки, как и высказывание «какой бы жалостью душа не наполнялась, / не поклонюсь, не примерюсь», согласуются с известным ответом Набокова (2018) на вопрос о возможном возвращении в Россию: «Я никогда не вернусь, по той простой причине, что вся Россия, которая мне нужна, всегда при мне: литература, язык и мое собственное русское детство. Я никогда не вернусь. Я никогда не сдамся. И в любом случае гротескная тень полицейского государства не будет рассеяна при моей жизни» (интервью Питеру Дювалю-Смиту, 1962) (с. 21).

Связывая это высказывание с эпизодом из стихотворения «К кн. С. М. Качурину» (1947), А. А. Бабинов (2019) предполагает: «Набоков, живо представив себе такую поездку с подложным паспортом, делает важное признание, что в этом *воображаемом* возвращении “объяснение жизни всей”, имея, может быть, в виду, что, несмотря на эмиграцию и переход на английский язык, он России в каком-то смысле никогда не покидал» (с. 280). Мы считаем это мнение справедливым, действительно, свою жизнь В. Набоков неразделимо связывал с образом России. И связь эта особенным образом проявляется и укрепляется в поэтическом творчестве: «Воздух твой, вошедший в грудь мою, / я тебе стихами отдаю» («К Родине» («Ночь дана, чтоб думать и курить...»), 1924); «Но воздушным мостом мое слово изогнуто / через мир, и чредой спицевидных теней / без конца по нему прохожу я инкогнито / в *полыхающей сумрак* отчизны моей» («Слава», 1942).

Заключение

Приближаясь к завершению, хочется обратить внимание на еще один важный момент. Вернемся к финалу стихотворения «Петербург» («Так вот он, прежний чародей», 1921), к последней графически выделенной тираде. Революцию, воспринятую как личную катастрофу, В. Набоков сравнивает здесь с крушением поезда, «полного грез»: «...мои сверкающие годы! / Крушение было...». Разбуженная память о прошлом причиняет поэту невыносимую боль, это рождает внутри него желание отстраниться:

«Не надо, жизнь моя, не надо!
К чему их вопли вспоминать?
Есть чудно-грустная отрада:
уйти, не слушать, отстранять
день настоящий, как глухую
завесу, видеть пред собой
не взмах пожаров в ночь лихую,
а купол в дымке голубой...».

Любой ценой хочет избавиться от воспоминаний и лирический герой стихотворения «К России» (1939), открывающегося восклицанием «Отвяжись, я тебя умоляю!». Таким образом, если тоска по утраченному – один из ведущих мотивов в ранних стихотворениях Набокова, то более поздние тексты демонстрируют желание поэта «отстраниться» от воспоминаний о прошлом. Однако именно это стремление ошибочно может быть воспринято читателями как подчеркнутая индифферентность Набокова к политике и общественной жизни. На самом деле, писатель интересовался политикой и, более того, прекрасно в ней разбирался. И детальный анализ избранных стихотворений и поэм подтверждает наши выводы. Важным наблюдением является и то, что Набоков, имплицитно использующий политический дискурс в прозаических текстах, более открыто демонстрировал свои взгляды именно в поэтическом творчестве. Как бы Набоков ни хотел отстраниться, у него это не получится до самого конца. Ведь несмотря на все «ностальгические неразберихи», как выразился сам поэт в «Парижской поэме» (1943), он сохранил чувство родного и неразрывно связывал свое поэтическое творчество с образом Родины, соединяя с ней свою жизнь и смерть: «Как на покато́й школьной парте, / со-вьешься ты подобно карте, / как только отпущу края, / и ляжешь там, где лягу я» («К России») («Мою ладонь географ строгий...»), 1928). Все тому, что выпало на его долю, социальным катаклизмам XX столетия, Набоков противопоставлял в своих стихах заветную мысль о возвращении домой, в Россию, пусть даже по-смертному: «Но как забавно, что в конце абзаца, / корректору и веку вопреки, / тень русской ветки будет коле-баться / на мраморе моей руки» («Какое сделал я дурное дело», 1959). Перспективы дальнейшего исследования мы видим в детальном изучении историко-политического логоса В. Набокова, а именно в сопоставлении приемов реализации политической тематики в набоковских текстах разных жанрово-стилевых форм.

Источники | References

1. Арьев А. Вести из вечности (О смысле литературно-философской позиции В. В. Набокова) // В. В. Набоков: pro et contra: в 2-х т. / сост. Б. В. Аверин. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. Т. 2.
2. Бабинов А. А. Последняя книга повествователя // Набоков В. Взгляни на арлекинов! СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019.
3. Левин Ю. И. Биспациальность как инвариант поэтического мира Набокова // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
4. Назарян А. Набоков и политика. 2013. URL: <https://inosmi.ru/20130414/208046753.html>
5. Накаржова А. А. Творчество Владимира Набокова: политический аспект // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). URL: <https://politlinguistika.ru/images/1-2015/28.pdf>
6. Питцер А. Тайная история Владимира Набокова / пер. с англ. Е. Горбатенко. М.: Синдбад, 2016.
7. Погребная Я. В. Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы. Лирика В. В. Набокова. М.: Флинта, 2011.
8. Погребная Я. В. Тема изгнания и концепция искусства в неизвестном интервью В. В. Набокова: интервью Нурит Берецки для израильской газеты «Маарив» (январь, 1970) // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 4.
9. Труфанова И. В. От ненадежного повествователя к ненадежному лирическому сюжету в лирике В. В. Набокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 10. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2019_10_11.pdf
10. Федотов О. И. Между Моцартом и Сальери (о поэтическом даре Набокова). М.: Флинта, 2014.

Информация об авторах | Author information

Борискина Анастасия Владимировна¹

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Boriskina Anastasia Vladimirovna¹

¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ anastasiaboriskina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.12.2022; опубликовано (published): 31.01.2023.

Ключевые слова (keywords): поэзия В. Набокова; политический дискурс; историко-политический логос; революция; память; V. Nabokov's poetry; political discourse; historical and political logos; revolution; memory.